

ПОСЛАНИЕ Г-НУ ПАРИЗО

Друг, взору твоему представить разреши
Боль сердца моего, тоску моей души:
Ее ты постигал до глубины когда-то,
Единственный, в ком я обрел отца и брата.
Ты благосклонен был ко мне в былые дни.—
Вниманье прежнее теперь ты мне верни!

Не думай, что, в тебе внезапный холод чуя,
Здесь на молчанье посетовать хочу я;
Ведь подозрения едва ль достойны нас,
Тебя в надменности я не виню сейчас.
Молчанье храня, упорствуешь напрасно;
Язык суровости я разумею ясно;
Свой грустный замысел тебе я встарь открыл,—
Ты ж, не ответив мне, молчаньем говорил.
Ну, что ж — своим путем иду вперед всегда я,
И, спесью низкою отнюдь не обладая,
Советы добрые я был готов принять
И без кичливости усердно исполнять.
Знай — не приучен я ни к козням, ни к обману,
И добродетелью звать слабость я не стану,
Мой справедливый ум под ложной мишурой
Ошибок скрыть своих не тщился пред тобой.
Но ты позволишь мне, о друг мой, без сомненья,
Хотя бы сохранить права на уважение!
Все мысли я тебе и чувства выдаю:
Итак, в последний раз реши судьбу мою.

Рожден в безвестности, гоним судьбой жестоко,
Я в детстве горестном познал капризы рока:

Все блага прежние безжалостно гоня,
Он даже милостью своей терзал меня.
Родиться вольным мне дано судьбой лукавой:
За этот тщетный дар переплатил я, право!
Итак, свободен я. То благо или зло?
Немало горестей оно мне принесло!
Коль должно было мне, покинув сень отчизны,
В чужом краю влачить уныло бремя жизни
И пред вельможами гнуть спину каждый миг,
Как жаль, что этого я в детстве не постиг!
На жизненной заре меня законы чести
Учили выполнять свой правый долг без лести,
Всегда любить людей, но не одних вельмож,
Чтить власти, королей и ненавидеть ложь.
И знал я, что рожден я с правом безусловным
Принять участие в правлении верховном, —
Безвестный гражданин, я, как бы ни был мал,
В деяньях общества участие принимал.
Я знал, что поддержать готовы это право
Раздумье мудреца и воинская слава;
Знал также, что с небес к нам вольность снизошла,
Но для порочных душ губительней нет зла!
Мы эти правила с младенчества впитали,
Но ими никогда кичиться бы не стали, —
Нам были надобны те высшие права,
Дабы закон и власть себе избрать сперва.

«Ты видишь, — слышал я, — как под забвенья своды
Поспешно движутся могучие народы?
Вся эта мишура и пышность громких слов
Скрывает от очей постыдный вид оков:
Не сами ль на себя те кандалы надели
Завоеватели — а все ж рабы на деле!
Мощь горделивая их вовсе не прочна:
Развратной роскошью подточена она.
Иные радости нам дороги и милы,
И в нашей слабости — источник нашей силы.
Без сожаленья мы в безвестности живем,
Но вольностью зато сильны в краю своем,
Мы в нем не ведаем ни пагубного чванства,
Ни пышных титулов, ни злобного тиранства,
И нами избраны, правдивы без прикрас,
Законы соблюдать там судьи учат нас.
Не в тщетных хитростях, не в кознях крючкотвора,
А в справедливости — республики опора;
Законность высшую защитницей избрав,
Сословья разнятся, без ущемленья прав.

И наши пастыри и власти рядом с нами
Не блещут золотом, шитьем и галунами,
Но с прочими их все ж не спутаешь никак:
Их добродетели — вот их отличный знак.

Да будет вечным он — союз людей бесценный!
Сколь редко искренность бывает неизменной!
Ведь время все крушит безжалостной рукой:
Все вплоть до разума, до мудрости людской!»

Мой разум, изощрен ценою размышленья,
Учился проявлять к той пышности презренье,
Которой только спесь вельможного туза
Народу глупому пускает пыль в глаза.

За убеждения платя ценой изгнания,
Покинув родину, пустился я в скитанья;
Опору потеряв, гордыню затая,
К щедротам важных лиц решил прибегнуть я.

Я плачу, думая о пройденной дороге,
О трудных временах смятенья и тревоги,
Когда изведаль я, что неподдельный пыл,
Увы, лишь горести мои усугубил.
Пусть бремя нищеты для каждого ужасно, —
Но для мыслителя оно вдвойне опасно:
Пусть выползет подлец из омута невзгод,
Но честный человек на низость не пойдет.
Презреть душой вельмож решился б я едва ли,
Когда б достоинством вельможи обладали, —
Пред ними я б застыл, главу свою склоня,
Когда бы превзошли хоть в чем-нибудь меня!
Но следует ли мне смирением примерным
Дорогу пролагать к невеждам лицемерным?
Их свежей знатности по правде — грош цена,
Но добродетель им отныне не нужна!
Не раболепен я — и тщетны все старанья,
И втуне все мои остались дарованья!
Ах, лучше пусть паду в неравной я борьбе,
Чем покориться мне столь горестной судьбе!

Мне были дороги такие рассужденья,
Теперь по мне они достойны осужденья.
Уроки мудрости мне подарили свет,
Но он достался мне ценой немалых бед.

Ты знаешь, Паризо, чьи руки облегчали
Мне бремя бед моих и все мои печали;
Я счастьем ангелу обязан своему,
Да что! Твои глаза свидетели тому!
Чем сможет отплатить, скажи, мой дух мятежный
Заботам матери *, рачительной и нежной?

Возможно ль быть добрей? Признательной душой
Надеюсь оплатить я этот долг большой!

Пускай сочту, что я не связан добротой,
Но как не восхвалять мне сердце золотое
За блага разума и чувства естества,
На славу, может быть, дающие права!
Из лоно нищеты еще не вырван ею,
Не ведал я, что жить совсем иначе смею.
Я был младенцем лишь, покинутым судьбой,
Мог на стезю греха вступить я в миг любой,—
Мог стать бездельником надменным и лукавым,
С ребяческой душой, с угрюмым, вздорным нравом.
У добрых возбуждал я жалость или смех,
А у глупцов порой и ярость, как на грех!
Но воспитанья плод — все люди без изъятья!
Едва ее глазам осмелился предстать я,
О промахах своих я от нее узнал,
И нрав свой я тогда исправить пожелал,—
Отрекся навсегда я от идей незрелых,
Внушенных прежде мне в отеческих пределах,—
На этих-то дрожжах, для юности мила,
Республиканских душ гордыня возросла!
Я начал доблести теперь ценить в вельможе,
Хоть добродетели всех доблестей дороже.
Неравенство живет в сословиях людских,
Покамест многое разъединяет их!
Мне ль, на манер шута, язвить суровым словом?
Зачем пытаться мне стать Дон-Кихотом новым?
И, как я ни ропщу, сословия кляня,
Рок не изменит их для одного меня.
Мой робкий нрав не мог перемениться разом,
Но пробуждаться стал тут мой природный разум.
Покорный матери, я стал собирать плоды
Бесчисленных забот, сердечной доброты.
И понял я еще, что непреклонность эта
Была бы лишь вредна в глазах пустого света,
И скромным пожелал я стать, смиряя пыл,—
Друг человечества, я кротость полюбил.
Высоких титулов постиг я смысл и ценность,
С надеждою сносил вельможную надменность:
Пусть блещут золотом, нарядом дорогим,
Я добродетелью могу быть равен им.
Итак, два года я провел в твоей отчизне,
Причастен здесь я стал уладам мирной жизни,—
И, если в эти дни я мало был учен,
У стойков постиг я мужества закон.

Да, и тогда еще, в те молодые лета,
Меня дивил пример Зенона, Эпиктета *,—
Нас учит мудрость их мишурный блеск отместь:
Лишь в добродетели для смертных счастье есть.
Давно уж этих дум пленительная сила
Мой обольстила дух и волю укрепила,
Но тщетно было все, хоть стал к себе я строг:
Где смертный, что изгнать из сердца страсти мог?
Лишь только господу, зиждителю вселенной,
Дано счастливым быть, вкушая мир блаженный;
Для смертных, дюжинных по сердцу и уму,
Нет счастья, коль у них я страсти отниму.
Мне, Паризо, с тобой общение желанно,
Учтивость ты привил бывшему грубияну.
Я знаю, чтоб верней людей очаровать,
Полезно с мудростью веселость сочетать.
Друзья учтивые, каким всегда мы рады,
Утех мирные, невинные улады,
Те зрелища сумел я оценить вполне,
Что по дороге чувств проникли в сердце мне.
Мой дух, когда-то столь покойный, безмятежный,
Впервые подчинен чувствительности нежной.
С пути любовью сбит, издал я томный вздох,
При виде милых глаз я не вздохать не мог.
Изящные стихи, приятный тон в беседе,
В час милой трапезы учтивые соседи,
Игра по маленькой, без риска для мошны,
Шлифует разум ваш — и вот вы не грустны!
Все эти радости житейских изобилий
И мне, чужому здесь, вновь сердце окрылили,—
Все выдумки искусств, все прелести утех,
Какие, право же, поработают всех.
И все ж душа моя отнюдь не помутилась,
К изнеженности чувств нисколько не склонилась.
Невинность я люблю, в безвестности богат,
Меня ввергают в дрожь излишества, разврат!
Терзают душу нам преступные забавы,
Что покупаются ценою доброй славы.
Утех чистые, чтоб истинными быть,
Должны нам счастье несть, а нравы не губить.
Но к людям небеса склоняются в юдоли,
Не запрещая нам смягчать людские боли;
В конце концов ясней мне стала мысль одна:
И в добродетели — избыточность вредна!
Вот все грехи мои! Прочти ж их список верный,
Тебе вручаю, друг, отчет нелицемерный.

Суди, зачем теперь мне милостей искать
И в доброте вельмож фортуны обретать?
Ужель за славою явился в этот свет я?
Уж на исходе я шестого пятилетия!
Полжизни я провел в забвении немом,
И ясный разум мой уж истомлен трудом.
Я жаден к мудрости, ищу лишь в ней я счастья,
Я с юных лет своих чуждался сладострастья,
Лишь к добродетели стремлюсь я с ранних дней,
Учение и труд — закон души моей,—
Ему я следовал, я жил как подобает,
Но не таким путем заслуги обретают!
Ведь небеса мой труд достойным не сочли:
Он тщетен, как и встарь, и цель, как встарь, вдали!
Талантом я хотел добиться счастья мигом,
Я равнодушен был к уловкам и интригам,
Хоть этим способом иной прохвост и плут
Вельможных милостей добиться может тут.

Да, обманулся я, хоть сердце уповало,
Надеждой оскудел, да и успехов мало,
И стало ясно мне в пути, пройденном мной:
Чтоб в свете преуспеть, нужней талант иной.
Нет, слишком робок я, не создан я для света,
Доныне мне вполне чужда развязность эта,
Самодовольный тон, высокомерный вид,
Что светских от простых мужланов отличит!
Так мне ль стремиться в свет, что обернулся мукой,
Мне ль покорять его великою наукой?
Искать хвалы, ловить чины и ордена,
Хоть сердце обличит меня во всем сполна?
Ужель ханжою стать, и только ради хлеба
И места теплого кадить во славу неба?
Иль стать расчетливым, как всякий лицемер,
Святош пролезших в свет беря себе в пример?
Их добродетели ничьих других не плоше:
Как лебезят они, смиренные святоши!
И славят господа уста их что ни день,
Осанну небесам им возносить не лень!
Но христиане те в смирении лукавы,
И славят лишь себя, под сенью божьей славы.
А рассудительный, лишь мудрости ища,
Равно готов презреть и дурня и хлыща!

Я искренним рожден, и я не в силах, право,
Скрыть под личиною каприз дурного нрава!
О пет, не смог бы я так покривить душой,
Цена мне кажется уж слишком дорогой!

Да и к тому ж еще пришлось бы мне, как видно,
И ласки матери предать весьма постыдно, —
Заботясь о других, пришлось бы, может быть,
Неблагодарностью за нежность отплатить.

А я признателен за попеченья эти,
Ведь небо мне дало, как дар на этом свете,
Лишь рвенье чистое — порывов не тая,
Отныне каждый день молюсь ей сердцем я!
Я знаю хорошо, что, этим рвеньем мучась,
Едва ли сделаю ее спокойней участь, —
Утешить я ее в немой тоске хочу,
Но, муки разделив, едва ли излечу!
Увы, я все-таки узрел ее печали,
Которые мою решимость похищали,
И видеть было мне чрезмерно тяжело,
Что горести мои мрачат ее чело.

Дано ли ей найти в тиши уединений
Спасенье от земных мишурных треволнений,
Коль и в пустыне сей, найдя вредить предлог,
Соседа гнусного дает ей злобный рок? .
О, этот прокурор, о дьявол в прокурорах!
Его вскормили желчь и дел чернильных ворох,
Соседям он страшной любых жестоких кар,
Не так баварский люд страшит злодей гусар!

Но, думаю, рассказ о муках уж наскучил:
Прости меня, мой друг, тебя я долго мучил!
Одна отрада есть в беде несчастным нам:
О горестях своих рассказывать друзьям!
Вот бедствия мои — я описал их сразу, —
Суди о будущем по этому рассказу!
Ужели должен я, ужель в том мудрость есть —
Фортуне угождать и возносить ей лесть?
Нет, слава не кумир души моей не даром:
Божественным она едва ли пышет жаром,
Который гения способен оживить,
И силы все его на благо устремить!
Но для меня теперь — ничто людское мненье,
Не трогают меня восторги и презренье!
Ужели, коль нас ждет безвестности стезя,
То к благоденствию стремиться нам нельзя?
Червь честолюбия людские души гложет,
В сердечных радостях философ счастье множит, —
Блажен, кто смог вкусить от сих простых отрад,
Кто ими, чистыми, довольствоваться рад.
В покое истинном вкушать плоды познания, —
Единое мое заветное желанье!

Свобода, друг, покой, страницы мудрых книг,—
К чему бы мне мечтать о радостях иных?
Страданье нам сулят безудержные страсти,
Я ж скромн, я бегу от их суровой власти!
Коль в ловкие силки я все же попаду,
То гибель в путах их я славной не сочту.
Чист сердцем, хоть не раз ошибся я жестоко,
Недобродетелен, я все же враг порока;
Хоть счастье от меня и тщится ускользнуть,
Я все-таки обрел к нему надежный путь!

Стр. 312. *Своих печалей Бланш еще не исчерпала.*— Имеется в виду трагедия Борда «Бланш Бурбонская», которую он отказывался поставить на сцене.

ПОСЛАНИЕ Г-НУ ПАРИЗО

П а р и з о — лионский хирург, приятель Руссо, по его словам, «лучший и самый благодетельный из людей». «Послание» было написано во время пребывания Руссо в Лионе в 1741 г., закончено в 1742 г. Впервые напечатано в 1776 г. в VIII томе брюссельского Собрания сочинений Руссо (1774—1783).

Стр. 315. *...заботам матери...*— Имеется в виду г-жа де Варанс (см. «Исповедь»).

Стр. 317. *Меня дивил пример Зенона, Эпиктета.*— Зенон — греческий философ (336—264 до н. э.). Один из основателей стоицизма. *Эпиктет* — см. примечание к стр. 309.

ПОСЛАНИЕ Г-НУ ДЕ Л'ЭТАН, ВИКАРИЮ МАРКУССИ

Предположительная дата написания 1749 г. В «Исповеди» по этому поводу он рассказывает: «Не раз проводил я по нескольку дней в Маркусси, где у г-жи Левассер был знакомый викарий... После одного из этих маленьких путешествий... я написал викарию, очень быстро и очень плохо, послание в стихах, которое найдут среди моих бумаг».

В «Послании» к г-ну де л'Этан, где отразился горький парижский опыт Руссо, начинают звучать мотивы, предвещающие критику цивилизации в «Рассуждениях о науках и искусствах» и других зрелых произведениях Руссо. «Послание» было напечатано впервые в 1752 г.

Стр. 321. *Париж, где автор Родогюны сгибал перед Шапленом стан...*— Автор *Родогюны* — выдающийся французский драматург Пьер Корнель (1606—1684). *Шаплен* (1595—1674) — французский поэт, член Академии, один из составителей, по указанию кардинала Ришелье, отрицательного отзыва о трагедии Корнеля «Сид».

АЛЛЕЯ СИЛЬВИИ

Написана в 1747 г. в Шенонсо, замке, расположенном на берегу реки Шер в Турени, принадлежавшем главному откупщику Дюпену. Заголовок стихотворения дан по названию одной из аллей парка, тянувшегося вдоль берега реки, излюбленного места прогулок Руссо.

Напечатана «Аллея Сильвии» в 1750 г. в сентябрьском номере «Французского Меркурия». На русском языке публикуется впервые.